

ХОЗЯЕВА МИРА

МИЛЛИАРДЕРЫ

**ИСТОРИЯ КРУПНЕЙШИХ
ФИНАНСОВЫХ ДИНАСТИЙ**

ГЖЕГОЖ ЯШУНЬСКИЙ

Гжегож Яшуньский

**Миллиардеры. История
крупнейших финансовых династий**

«Алисторус»

2014

УДК 336:929
ББК 65.5

Яшуньский Г.

Миллиардеры. История крупнейших финансовых династий /
Г. Яшуньский — «Алисторус», 2014

ISBN 978-5-907024-77-9

Гжегож Яшуньский – известный польский публицист и журналист, занимающийся проблемами международной политики. Книга «Миллиардеры. История крупнейших финансовых династий» расскажет, какова истинная природа гигантских состояний, как удалось основателям династий и их потомкам обогатиться и стать владельцами крупнейших монополий. Это самые известные финансовые династии мира: Рокфеллеры. Морганы. Дюпоны. Астоны, Крупны и Форды. Весьма интересны будут и такие фигуры из «новых» миллиардеров, как Гетти. Хант и Аристотель Онассис. Более ста лет формировались и развивались крупнейшие финансовые династии – нынешние закулисные правители мира.

УДК 336:929

ББК 65.5

ISBN 978-5-907024-77-9

© Яшуньский Г., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Глава 1. Старые миллионеры	6
Введение	6
Рождение крупных состояний	9
Перемены	14
Четыре примера	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гжегож Яшуньский
Миллиардеры. История
крупнейших финансовых династий

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Глава 1. Старые миллионеры

Введение

Тысяча восемьсот семидесятый год автор избрал исходным пунктом своего повествования отнюдь не случайно и вовсе не из любви к круглым датам и цифрам. Время, предшествовавшее этой дате, и несколько последующих лет – это специфический период в экономической истории Соединенных Штатов Америки и, следовательно, в истории американских миллионеров. Наиболее характерным для данного периода следует считать прежде всего бурное строительство железных дорог, соединяющих Атлантическое побережье страны с Тихоокеанским. Не один американский миллионер разбогател именно на строительстве железных дорог и связанных с этим аферах и спекуляциях.

Мэтью Джозефсон, автор изданной в 1934 году и ныне хорошо известной книги «Бароны-разбойники. Крупнейшие капиталисты Америки. 1861-1901» (“The Robber Barons. The Great American Capitalists. 1861-1901”), обращает внимание читателей на то, что с 1865 по 1873 год в США было построено 35 тысяч миль (свыше 55 тыс. километров) железнодорожных путей – «столько, сколько за два предыдущих поколения». Одновременно с железнодорожным строительством развивались и росли такие города, как Чикаго, Дулут, Сент-Пол, «которые за десять лет выросли вдвое или даже в пять раз».

«Получить кредит ничего не стоило, – пишет Джозефсон, – а оптимизм ценился еще дешевле... Вкладывались огромные суммы денег – сбереженных или взятых взаймы».

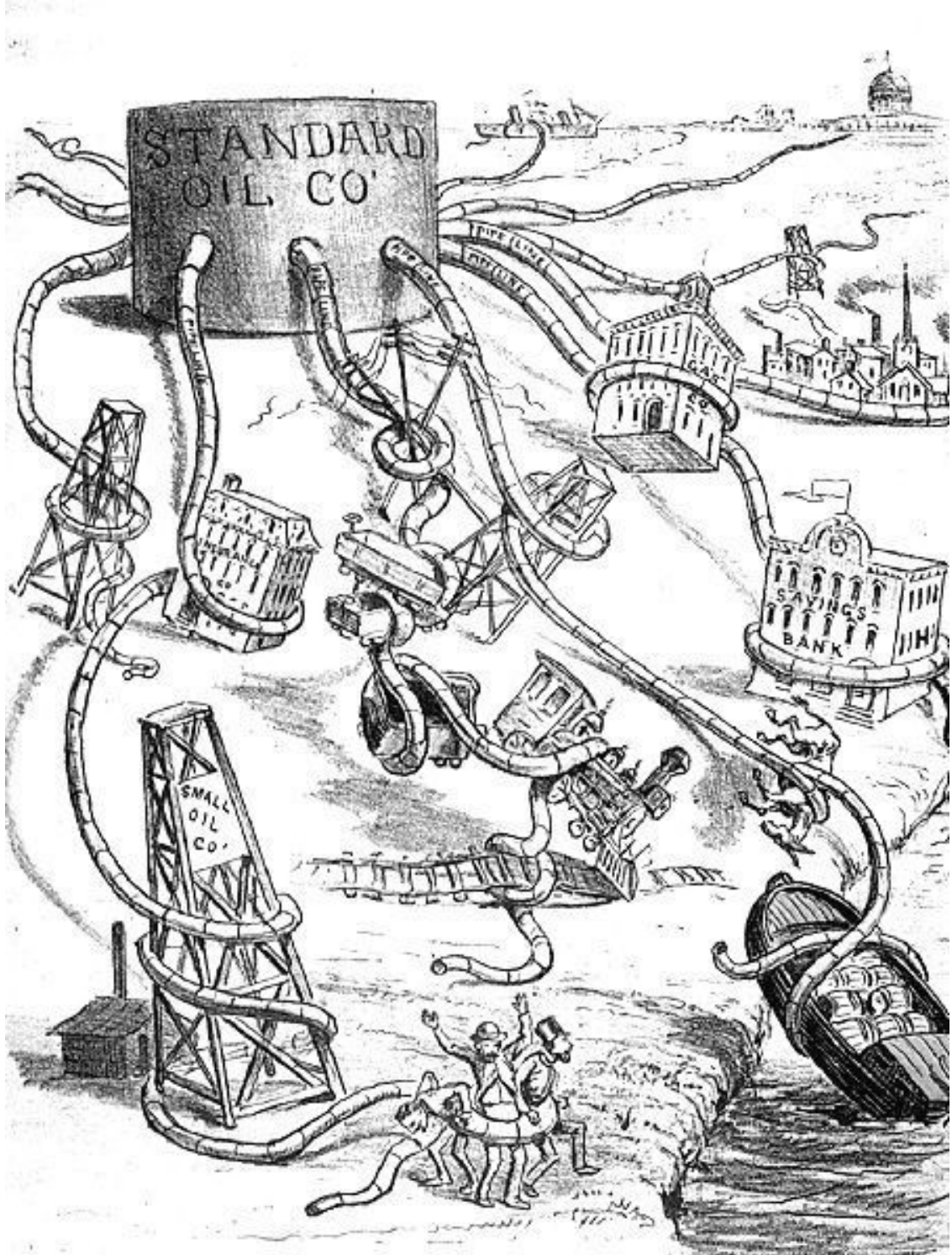
Железные дороги строились частными предпринимателями (впрочем, в США в отличие от большинства европейских капиталистических стран железные дороги принадлежат акционерным компаниям), между которыми завязалась конкурентная борьба, и как раз в 1870 году дело дошло до подписания, так называемого Омахского соглашения (“Omaha pool”). Это было первое соглашение железнодорожных магнатов, призванное устранить конкуренцию, установить перевозочные тарифы и соответствующим образом разделить прибыли. Результатом соглашения, ставшего в дальнейшем образцом для аналогичных договоров между капиталистами, стало увеличение прибылей – разумеется, за счет рядовых граждан.

В том же 1870 году Джон Д. Рокфеллер основал акционерную компанию под названием «Стандард ойл компани оф Огайо». В следующем году Джон Пирпонт Морган создал в Нью-Йорке банк «Дрексел, Морган энд компани». Несколько раньше, в 1869 году, на бирже в Нью-Йорке разразилась финансовая катастрофа, которая вошла в историю Америки под названием «черной пятницы». Все три упомянутых события заслуживают пристального внимания, поэтому мы коротко остановимся на них, поскольку они весьма характерны для тех лет, для эпохи, когда герои данной книги делали свои первые, но, можно с уверенностью сказать, далеко не робкие шаги.

О Рокфеллере мы будем говорить в следующей главе, а поэтому здесь не станем касаться ни его биографии, ни начала его карьеры. В 1870 году у Джона Д. Рокфеллера уже не было никаких сомнений относительно того, что нефть станет источником создания его огромного богатства. Будучи владельцем крупнейшего в Америке нефтеперерабатывающего завода, Рокфеллер пришел к решению заключить ряд тайных соглашений с хозяевами железных дорог об условиях перевозки нефти. Его компаньонами в то время были Сэмюэл Эндрюс, специалист по технологии переработки нефти, и Генри Флеглер, зять богатого фабриканта виски.

В январе 1870 года трое этих господ зарегистрировали в Вашингтоне акционерное общество «Стандард ойл», которое после различных пертурбаций просуществовало до наших дней и продолжает приносить акционерам миллионные прибыли. В день создания общества его

основной капитал оценивался в 1 миллион долларов, на него работало около тысячи рабочих, ему принадлежал крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. Очень скоро стало ясно, что «Стандарт ойл» (кстати сказать, именно благодаря упомянутым соглашениям с железнодорожными магнатами) одолевает всех своих конкурентов. Вскоре ежегодные прибыли новой фирмы превысили 100 процентов на вложенный капитал.

Монополия «Стандарт ойл». Карикатура

В то время Джон Пирпонт Морган был уже известным в Америке богачом и предприимчивым дельцом (заметим также, что они с Рокфеллером были ровесниками). Он хорошо

заработал на поставках в годы Гражданской войны, основал в Нью-Йорке собственный банк и отлично видел неограниченные возможности расширения своей деятельности на фоне великолепной экономической конъюнктуры. Существенную помощь оказал ему в этом его отец, Джуниус С. Морган, владелец крупного банка в Лондоне.

В 1871 году Дж. Пирпонт Морган принял приглашение Энтони Дрексела из Филадельфии, также известного банкира, приехать к нему. После хорошего ужина оба дельца подписали небольшую бумагу. Так в Нью-Йорке возник новый банк – «Дрексел, Морган энд компани». Вскоре, во время экономического кризиса 1873 года, этому банку суждено было сыграть важную роль в экономической жизни Соединенных Штатов. Одну из следующих глав мы специально посвятили бурной карьере Моргана, который умел наживать деньги не только с помощью финансовых операций, но и действуя в сфере железных дорог и сталелитейной промышленности.

Появлению «Стандард ойл» и основанию нового банка Д.П. Моргана предшествовало другое, отнюдь не менее, а, скорее, куда более типичное для того времени событие в американском финансовом мире. Мы имеем в виду знаменитую «черную пятницу». Итак, спекуляции на бирже, в особенности спекуляции золотом, относились к наиболее существенным элементам схватки между капиталистами, жившими сто лет назад. Этим-то и решил воспользоваться некий Джей Гулд, прозванный Мефистофелем с Уолл-стрита, один из самых первых американских миллионеров.

Готовясь к схватке, Гулд обеспечил себе поддержку и сотрудничество адвоката Эйбла Р. Корбина, главное достоинство которого состояло в том, что он женился на сестре тогдашнего президента Соединенных Штатов генерала Гранта. Корбин согласился на это сотрудничество, мягко выражаясь, не совсем бескорыстно. Короче говоря, Гулд с помощью Корбина и других сообщников сумел создать в обществе впечатление, будто он пользуется большим доверием президента (он ссылаясь на тот факт, что генерал Грант проездом через Нью-Йорк был его гостем). Кроме того, спекулянты вкрались в доверие еще нескольких лиц из ближайшего окружения президента, в том числе министра финансов Боувелла.

Закончив предварительную подготовку, Гулд провел крупную спекуляцию с повышением цен на золото. А так как на бирже Гулд пользовался доверием (еще бы: «Он ведь получает информацию непосредственно из Белого дома!» – твердили биржевики), то замысел его осуществился полностью. Когда цены на золото, искусственно взвинченные его сообщниками, превысили все установленные нормы, имевшие хоть какую-то связь с реальной действительностью, грянула катастрофа. В пятницу 24 февраля 1869 года на бирже в Нью-Йорке возникла неопишуемая паника.

За несколько минут цена на золото упала до самого низкого уровня. Сам же Гулд, который провел эту аферу, успел продать свои запасы золота по наиболее высокой цене, заработав на этой афере 11 миллионов долларов! Зато тысячи рядовых американцев и мелких торговцев потеряли на этой спекуляции все свои сбережения. При этом выяснилось, что высокопоставленные лица из ближайшего окружения президента Гранта тоже замешаны в сей грязной истории

Рождение крупных состояний

И все-таки возникает вопрос, каким образом рождались состояния миллионеров? Благодаря чему сумели они нажить капиталы, которые потом росли из года в год? В американской экономической, политической и социологической литературе можно найти самые различные ответы на этот вопрос.

Наиболее распространенной является версия, без устали повторяемая мощной пропагандистской машиной США, будто первые миллионеры нажили свои богатства только благодаря личной предприимчивости и личным способностям. Специалистам известны труды профессора Джозефа Шумпетера, в частности его книга «Капитализм, социализм и демократия», изданная в 1942 году (“Capitalism, Socialism and Democracy”). Шумпетер, утверждая, что в заслугу капиталистам надо поставить «бурю непрерывных новшеств», расхваливает «творческий характер» деятельности миллионеров. В американской популярной литературе в течение долгих лет самое почетное место занимали сказочки для детей, написанные Хорейсом Олджером, который очень красочно описывал, как некий молодой человек благодаря своему трудолюбию и бережливости создал крупное состояние. (Заметим, кстати, что сам Олджер умер в глубокой нищете.)

Противоположную позицию занимают такие авторы, как Густав Майерс, чья книга «История крупнейших состояний Америки» (“History of the Great American Fortunes”), изданная в 1910 году и переизданная в тридцатые годы, представляет собой источник никогда не подвергавшейся сомнению информации о возникновении крупных капиталов. Майерс считает, что, как было сказано еще Бальзаком, в истоках каждого крупного состояния лежит преступление. В подтверждение своего вывода он приводит бесчисленное множество доказательств.

Много внимания вопросу рождения крупных богатств уделил известный социолог профессор Райт С. Миллс, чья работа «Властвующая элита» (“The Power Elite”), вышедшая в 1956 году¹, была переведена и на польский язык. Названные выше теории профессор Миллс оценивает так:

«Эти два противоположных представления о крупных богачах, то есть как о разбойниках и как о новаторах, не обязательно должны противоречить одно другому: как первая, так и вторая точки зрения могут быть в значительной мере правильными, поскольку они отличаются главным образом взглядом на вещи, которым сторонники названных теорий смотрят на тех, кто нажил огромные капиталы».

По мнению профессора Миллса, ни ссылка на дальновидность крупных организаторов промышленности, ни обвинение по их адресу в беспощадности и попрании законов «ничего не разъясняют», поскольку существенны не личные качества миллионеров, а объективные возможности, благодаря которым они и нажили свои состояния.

«Для карьеры Карнеги, – пишет Миллс, – гораздо большее значение имела форма экономики, существовавшая во времена его молодости, чем тот факт, что его мать была практичной женщиной. Коммодор Вандербилт не достиг бы большого успеха в завоевании железных дорог независимо от степени своей «беспощадности», если бы тогдашняя политическая система США не оказалась насквозь коррумпированной. А что стало бы с крупными богачами (безотносительно к тому, каковы были их личные психологические черты), если бы анти-трестовский «закон Шермана» начал претворяться в жизнь таким образом, что подрывал бы основы существования крупных концернов?»

¹ На русском языке выпущена Издательством иностранной литературы в 1959 г. (Здесь и далее примечания принадлежат русской редакции.)

Для понимания самой проблемы наличия крупных богачей в Соединенных Штатах более важно уяснить географическое размещение нефтяных месторождений и налоговую структуру, нежели анализировать психологический облик Харольдсона Л. Ханта. Важнее понять правовые рамки американского капитализма и коррупцию его представителей, нежели рассматривать ранее детство Джона Д. Рокфеллера. Важнее разобраться в технологическом прогрессе капиталистического механизма, нежели заниматься изучением неумной энергии Генри Форда. Еще важнее уяснить, как влияет война на повышение спроса на нефть и продукты ее переработки, на возможности уклоняться от уплаты налогов благодаря законам об истощении нефтяных источников, нежели копаться в пресловутой мудрости Сиды Ричардсона»².

От критики чужих концепций профессор Миллс переходит к изложению собственной теории.

«Возникновение крупных американских капиталов связано с особым рода индустриализацией – индустриализацией, которая происходила в определенной стране, – пишет он – Именно такого рода индустриализация, чьей самой характерной чертой было частное предпринимательство, дала возможность определенным людям занять такие стратегические позиции, что теперь они властвуют над прямо-таки фантастическими средствами производства, соединяющими в себе силы науки и рабочую силу, контролирующими отношение человека к природе, и сколачивают на этом миллионы.

Основные факты, о которых здесь идет речь, – продолжает Миллс, – довольно просты: Американский континент изобиловал нетронутыми природными ресурсами, и туда устремились миллионы людей. В связи с постоянным ростом населения стоимость земли неуклонно повышалась. Кроме того, рост населения приводил к расширению рынка, к увеличению спроса на продукты и товары и одновременно к росту предложения труда...

Однако сами по себе факты, касающиеся населения и природных ресурсов, еще не объясняют аккумуляции крупных капиталов. Ведь такая аккумуляция требует послушной политической власти... Для своей выгоды крупные богачи не только используют обязательные для всех законы, но и – в равной мере – обходят и попирают существующее законодательство. Более того, они ломают законодательные рамки, заставляют издавать новые, удобные им законы и следят за их выполнением».

После этих общих замечаний профессор Миллс переходит к конкретным доводам в подкрепление своей теории. Американский социолог обращает внимание читателей на то, что «развитие частной промышленности в Соединенных Штатах в значительной мере поддерживалось прямым раздариванием национальной собственности». Капиталисты, строившие железные дороги, получали от правительства совершенно бесплатно огромные земельные участки. Если государство законодательным порядком оставляло в своих руках минеральные ресурсы, находившиеся на территории районов, передаваемых в частную эксплуатацию, то капиталисты всячески старались организовать дело так, чтобы уголь и железо были исключены из постановлений о ресурсах. Кроме того, правительство открыто субсидировало частную промышленность путем сохранения высоких таможенных пошлин.

Профессор Миллс особо подчеркивает значение того периода, о котором мы говорили в самом начале:

«Перед Гражданской войной среди богачей существовала лишь маленькая – по американским масштабам – горстка мультимиллионеров, например Астор и Вандербилт... Первые подлинно крупные американские капиталы возникли во время экономических преобразований уже после Гражданской войны. И то лишь в результате огромной коррупции, связанной,

² Сид У. Ричардсон – один из так называемых новых миллиардеров, наживших состояние в самое последнее время, крупный техасский нефтепромышленник. Подробнее о новых миллиардерах см. главу 8.

как нам кажется, непосредственно со всеми войнами, в которых были замешаны Соединенные Штаты, и неотделимой от них».

К вопросу о влиянии войн на создание крупных капиталов мы еще вернемся. Но предварительно мы хотели бы обратить внимание читателей на то, что коротко изложенные нами концепции профессора Миллса – социолога, близкого к социал-демократии в ее западноевропейском варианте, – по сути дела, близки взглядам таких добросовестных буржуазных историков, как Чарлз и Мэри Бирд.

В своем труде «Развитие американской цивилизации» (“The Rise of American Civilization”, N.Y., 1928), изданном и в Польше, Бирды жалуются на то, что «еще никогда не подвергались научному анализу те методы, которые привели к столь фантастической концентрации богатств и мощи». Предприняв попытку выяснить это явление, они подмечают такие элементы, как наплыв в США дешевой рабочей силы из Европы, высокие таможенные барьеры, защищавшие интересы американских предприятий. Кроме того, они заявляют:

«Горнорудные и лесные предприятия обязаны своими прибылями в значительной мере поддержке правительства, которое продавало почти даром или вообще бесплатно раздавало им природные богатства либо покорно позволяло расхищать их... Всякий, кто без малейших угрызений совести мог захватить (чужую. – *Ред.*) частную собственность, мог рассчитывать на щедрые дары, имеющие видимость легальности».

По мнению Бирдов, большое значение имели биржевые спекуляции, увеличивавшие богатства первых миллионеров. «К богатствам, которые созданы благодаря тому, что правительство охраняло (частную. – *Ред.*) промышленность, а также в результате захвата этой промышленностью природных ресурсов, принадлежат и такие, что нажиты с помощью биржевых операций». Чарлз и Мэри Бирд описывают так называемое «разжижение капиталов» – излюбленный прием американских миллионеров того (и не только того) времени. «Разжижение капиталов» базируется на выпуске новых акций без увеличения реального капитала фирмы и ведет к обогащению капиталистов за счет легковых граждан.

Чарлз и Мэри Бирд не дифференцируют и не оценивают различных факторов, способствовавших сколачиванию крупных состояний. По их мнению, самую большую роль в этом сыграл отвод крупных земельных участков и связанные с этим злоупотребления. Общая площадь земель, находившихся в распоряжении самого американского правительства, в двадцать раз превышала площадь Великобритании и Ирландии, вместе взятых. И вот эти-то земли постепенно переходили в частные руки.

«Кроме передачи собственности (из одних рук в другие. – *Ред.*) честным путем, с учетом и соблюдением существующих законов, – пишет чета Бирд, – были и другие способы, для которых характерны настолько наглые злоупотребления, что их не в силах представить себе воображение рядового гражданина... Предприниматели, пионеры и агенты дальновидных капиталистов выкраивали себе из общественных земель обширные поместья, вырубали и выжигали леса, присваивали богатства, приобретенные потом и кровью всего общества... Члены Конгресса и высокопоставленные чиновники непрерывно и беззастенчиво спекулировали землей. Мало было крупных земельных владений, приобретению которых не сопутствовало бы, мягко говоря, несоблюдение формальностей».

Если капиталисты умели использовать существовавшие тогда экономические и политические условия в мирное время, чтобы умножать свои богатства, то тем большие возможности открывались перед ними в военные годы. Мы имеем в виду не только так называемых «торговцев смертью», обогащающихся на производстве и поставках оружия, но также банкиров и промышленников, действующих в других отраслях экономики, лишь косвенно связанных с военными действиями.

Все они так или иначе использовали военную конъюнктуру, чтобы расширить свое производство и увеличить прибыли. К прибылям, так сказать, «легальным», ибо они были получены

в рамках законности (разумеется, благоприятствующей капиталистам), прибавлялись прибыли нелегальные, полученные в результате всяческих обходов закона или прямого подкупа государственных чиновников, ответственных за распределение военных заказов и лицензий.

Еще президент Авраам Линкольн жаловался на злоупотребления многочисленных фабрикантов и поставщиков, которые подкупали его высокопоставленных сотрудников, чтобы получить заказы на выгодных для себя условиях. Не изменился характер крупного бизнеса и восемьдесят лет спустя, когда Соединенные Штаты – с большим опозданием! – вступили во вторую мировую войну. Руководители крупнейших промышленных концернов, приглашенные к президенту Франклину Делано Рузвельту, охотно выразили согласие предоставить правительству свою продукцию на военные цели, но только при условии, что они на этом хорошо заработают. А между тем капиталисты XX века по-прежнему разглагольствуют о своем патриотизме, как и их предшественники сто лет назад.

Поэтому при определении источников образования крупных богатств нельзя обойти молчанием и военные прибыли. Литература на сей счет довольно обширна, но мы остановимся только на нескольких примерах. Так, современный американский автор Стюарт Х. Холбрук в своей книге «Век воротил» (“The Age of the Moguls”), изданной в 1954 году известной фирмой «Даблдей», то и дело возвращается к вопросу о военных прибылях старых и новых миллионеров.

Как и другие авторы, Холбрук утверждает, что первые подлинно крупные состояния возникли после Гражданской войны. При этом он пишет о «чудовищной коррупции, которая сопутствовала всем американским войнам, – от той, что началась в 1775 году, до той, которая закончилась сто семьдесят лет спустя».

Холбрук описывает развитие американской промышленности при президенте Линкольне в годы войны против Конфедерации. Чтобы удовлетворить потребности и заказы военной промышленности, надо было построить сталелитейные заводы, а чтобы одеть солдат-северян, требовалось резко увеличить выпуск продукции швейной промышленности. Кроме того, нужно было накормить армию, а это влекло за собой расширение пищевой и перерабатывающей промышленности. И так далее, и тому подобное. Одновременно с бурным экономическим развитием, пишет Холбрук, шла коррупция. Не раз солдатам вручали винтовки, которые оказывались негодными для стрельбы (связанная с этим афера Моргана будет описана в следующей главе). Бесчестные поставщики отправляли на фронт гнилое обмундирование, сапоги с бумажными подметками, консервы из мяса павших животных и т. п. Период войны и первые послевоенные годы были, по мнению Холбрука, эпохой самых невероятных злоупотреблений и мошенничеств. В качестве наиболее типичных примеров автор приводит трех из самых первых американских миллионеров – известного уже Джея Гулда, Дэниэла Дрю и Джима Фиска, которые, кроме спекуляций на бирже, славились разного рода аферами.

В конце XIX столетия очередным удобным случаем для получения прибылей стала война Соединенных Штатов против Испании. На этой войне немало заработали не только хозяева сталелитейных заводов и фабриканты оружия, но также – что может показаться странным – первый американский газетный магнат Уильям Рэндолф Херст, который в значительной мере способствовал открытию военных действий и, конечно же, отнюдь не потерял на этом.

Соединенные Штаты вступили в первую мировую войну только в 1917 году, но зарабатывать на ней американские капиталисты начали с первого же ее дня. Миллионера Чарлза М. Шваба из концерна «Бетлехем стил компани» британский военный министр лорд Китченер пригласил в Лондон уже в первые дни войны. В течение двух лет концерн отправил в Англию на 300 миллионов долларов боеприпасов, отлично заработав на этих поставках. А когда США вступили в войну, концерн «Бетлехем стил» стал одним из главных поставщиков оружия, боеприпасов и военных судов. Малоизвестен такой факт, что этот концерн оказался в то время

самым крупным на земном шаре производителем оружия – более крупным, чем даже прославленный немецкий концерн Круппа, пишет Холбрук.

Как типичный пример миллионеров, обогатившихся на войне, можно было бы привести очередных владельцев компании «Дюпон де Немур», но к этой теме мы вернемся в главе, посвященной названной династии. Там и пойдет речь об их прибыльном сотрудничестве с врагом – сотрудничестве, которое они всегда ставили выше своих патриотических обязанностей и долга.

Вторая мировая война (здесь нам хронологически приходится забегать вперед) стала для американских миллионеров новым источником фантастических прибылей. И тут уже можно говорить не о миллионерах, а именно о миллиардерах. Вновь передаем слово профессору Миллсу:

«В свете фактов периода второй мировой войны происшедшая ранее аккумуляция (капиталов. – *Ред.*) кажется незначительной. В 1940-1944 годах крупные частные концерны (которые решают вопросы контроля над средствами производства по всей стране) получили так называемых «заказов из первых рук» на сумму около 175 миллиардов долларов. Две трети этих заказов приходятся на долю ста главных концернов, а одна треть досталась всего десяти частным концернам, которые зарабатывали таким образом деньги на продаже своей продукции государству».

Профессор Миллс обращает внимание читателей на то обстоятельство, что все концерны, получившие военные заказы, пользовались самыми различными льготами, например первоочередностью при получении сырья, деталей машин и государственных кредитов, выгодными условиями амортизации, налоговыми льготами и т. д. После войны эти концерны могли приобретать в собственность предприятия, построенные за счет государства, причем на исключительно выгодных условиях.

Перемены

Однако вернемся к тем временам, с которых мы начали повествование, – к последним десятилетиям XIX века. Конечно же, нельзя ставить знак равенства между тогдашними богачами и нынешними миллиардерами. За прошедшие сто лет во многом изменились методы их действий, как изменилось и мнение общества о богачах.

Сто лет назад американские миллионеры почти не скрывали, что считают президентов и министров людьми, которые должны выполнять их указания. Ныне же зависимость Вашингтона от Уолл-стрита значительно более завуалирована. Сто лет назад случаи коррумпирования высших чиновников, конгрессменов и судей были широко распространенным и широко известным явлением. Сегодня случаи явной коррупции более редки и гораздо лучше замаскированы.

Сто лет назад между миллионерами – владельцами заводов и фабрик, железных дорог и банков – шла ожесточенная конкурентная борьба, в которой эти антагонисты не останавливались даже перед насильственными методами. Сегодня же в ходу, скорее, соглашения промышленников и финансистов о совместных действиях (разумеется, в ущерб обществу) Сто лет назад миллионеры открыто хвастались своим богатством, жили в роскоши, рекламировали свои дворцы и балы. Сегодня миллиардеры предпочитают избегать гласности, рекламы, охотнее всего играя роль «обыкновенных людей».

Сто лет назад пресса США не раз самым яростным образом выступала против миллионеров и их злоупотреблений. Сегодня американская пропаганда возносит хвалу миллиардерам и на все лады рекламирует созданные ими благотворительные фонды.

Благодаря всем этим переменам существенно изменилось и то, что американцы коротко называют *image* (дословно – облик, изображение, портрет) миллионеров. «Бароны-разбойники», как называли их прежде, преобразились в глазах так называемого среднего американца в «благотетелей» и «филантропов». Думается, нелишне уделить этой метаморфозе еще немного внимания, прежде чем набросать силуэты нескольких типичных миллионеров XIX века.

В связи с биржевой аферой 1869 года, которая закончилась «черной пятницей», мы упоминали об открытых связях спекулянтов с президентом Грантом. Так вот, за несколько месяцев до начала этой авантюры один из миллионеров, а именно Джеймс Фиск, принимал у себя президента на роскошной яхте «Провиденс» и нью-йоркская пресса подробно описывала этот прием. Перед самой «черной пятницей» эти спекулянты пригласили Гранта в театр, а затем вместе с ним показали обитателям нью-йоркской Пятой авеню. Таким образом любой житель Нью-Йорка мог увидеть, что президент является «человеком миллионеров».

Связи самых богатых людей с главой государства не менее ярко проявились и спустя несколько десятков лет, в 1896 году, когда Уильям Маккинли стал кандидатом в президенты, а затем в течение пяти лет был хозяином Белого дома, пока польский анархист Леон Чолгош не убил его. «Сделал» Маккинли президентом миллионер Маркус А. Ханна, который решил выдвинуть его кандидатуру, финансировал его избирательную кампанию (при активном участии «Стандард ойл»), а впоследствии, когда послушный Маккинли сел в президентское кресло, стал его ближайшим советником.

Такие примеры можно было бы умножить: в XIX веке американская элита не видела надобности скрывать связи между людьми, формально осуществлявшими власть, и миллионерами. Сегодня все это радикально изменилось. Разумеется, такие связи существуют и поныне и даже усиливаются, но никто этого не афиширует. Кроме того, отношения между Уолл-стритом и Вашингтоном стали более сложными и тонкими. И сегодня президенты США представляют

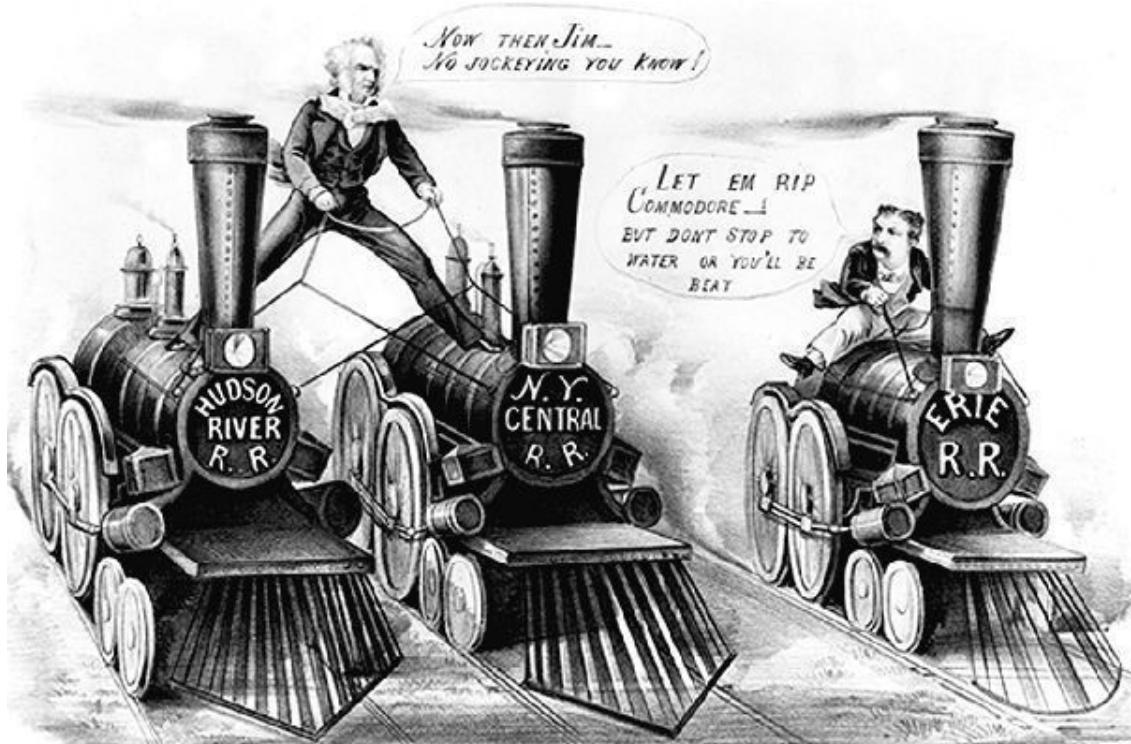
и защищают интересы капиталистов, однако нельзя сказать, что тот или иной президент является попросту ставленником такого-то миллиардера.

Почти так же обстоит дело и с коррупцией. И по сей день в Вашингтоне отмечаются случаи, когда взятки получают люди, занимающие высокие посты (например, помощник бывшего президента Эйзенхауэра «серый кардинал» Шерман Адаме или сенатор Томас Додд в шестидесятых годах), но такие случаи редки. Современные миллиардеры нашли более деликатные способы оказывать влияние на официальный Вашингтон.

Совсем иначе было сто лет назад, когда коррупция стала всеобщей и подкуп людей из окружения президента, а также конгрессменов, судей и высших чиновников считался нормальным методом действий тогдашних миллионеров. Из многочисленных примеров подкупа, детально описанных в американской политической литературе, приведем два.

Компания «Юнион Пасифик», которая строила железнодорожную линию от Атлантического до Тихого океана и которая в связи с этим получила огромные земельные участки и разные привилегии, отнюдь не удовлетворилась легальными прибылями и, стремясь добиться дополнительных миллионов доходов, основала фирму «Креди мобилъе». Задачей фирмы был прежде всего подкуп членов Конгресса. В 1872 году эта афера была раскрыта. Проведенное следствие установило, что некий Оукс Эймс, член палаты представителей и одновременно руководитель железнодорожной компании, систематически вручал взятки многочисленным вашигтонским чиновникам. Одним из подозреваемых в получении денег был Джеймс А. Гарфилд, что не помешало ему, однако, несколько позже стать президентом!

Другой видный политик, лидер Республиканской партии Джеймс Дж Блэйн, был обвинен в получении взяток он использовал свое влияние в Конгрессе, действуя в пользу железнодорожных компаний и фирм, торгующих оружием, то есть в интересах промышленников, уклоняющихся от налогов. В ходе следствия друзья Блэйна сумели замять дело, однако было доказано, что он шесть раз давал ложные показания. И все-таки эта афера не остановила сторонников Блэйна от выдвижения его кандидатуры на пост президента.

Борьба Корнелиуса Вандербильта с Джеймсом Фиском за контроль над железнодорожными перевозками. Карикатура

Сто лет назад миллионеры пускали в ход методы самые беспощадные и, мягко говоря, достойные осуждения не только в отношении представителей власти, но и во взаимной конкурентной борьбе. Ожесточенные бои за прибыли велись с помощью насилия и террора Чарлз и Мэри Бирд очень красочно описывают схватки между владельцами железных дорог:

«В конце шестидесятых годов Джеймс Гулд и Джим Фиск из Эри начали войну с соседним магнатом за захват железнодорожной линии Олбани – Сусквегана. Благодаря ловкой тактике им удалось довести до банкротства ту компанию, которую они стремились захватить. Сколотив банду молодчиков, Фиск вместе с ними отправился на собрание акционеров в Олбани, чтобы завершить начатое дело. Но когда Фиск стал подниматься по лестнице и уже приблизился к комнате правления конкурентной компании, ее отважный председатель нокаутировал его таким ударом, что Фиск, считая телом ступеньки, быстро оказался у подножия лестницы. Ошеломленная таким неожиданным проявлением физической энергии железнодорожного магната, банда в панике разбежалась..

Проиграв эту не совсем дипломатичную битву, Гулд и Фиск объявили сопернику войну. Владельцы линии Олбани – Сусквегана подняли брошенную им перчатку. Атаку вновь начал Фиск. Посадив в Эри на поезд банду задира и драчунов, он пустил его полным ходом на линию конкурирующей компании, чтобы потом силой забрать у нее локомотив и вагоны. Со своей стороны компания «Олбани – Сусквегана», бросив в лицо врагу полученное через Дж. П. Моргана решение суда, ответила насилием на насилие: по той же линии она отправила поезд со своими людьми. Когда паровозы со страшным грохотом столкнулись, обе банды выскочили из вагонов и сомкнутыми рядами пошли в атаку, чтобы во тьме ночи схватиться в бою».

Разумеется, в современной Америке такого рода столкновения между миллионерами просто немыслимы. Нет, автор отнюдь не собирается утверждать, что между ними не существует конкурентной борьбы, но сегодняшние преемники гулдов и фисков давно убедились в том, что взаимное сотрудничество, направленное в конечном счете против рядовых американских граждан, значительно более выгодно, чем подрывающая их позиции конкуренция. Картельные и монопольные соглашения между нынешними миллиардерами заключаются втихомолку, без всякого шума. Да, за прошедшие сто лет многое изменилось.

В XIX веке богатые люди жили в роскоши и хвастались этим. Они вообще не видели необходимости скрывать свое богатство, хотя понимали, что пришли к нему кривыми путями. Автор хочет еще раз сослаться на Чарлза и Мэри Бирд, которые так пишут о прежних миллионерах:

«Поскольку богачи могли повсюду стричь купоны и вкладывать свои дивиденды, они устремлялись в такие места, где за доллары можно было приобрести самые превосходные вещи и показывать их толпам изумленных зевак. Те же, кому повезло больше других, сосредоточивались в самом большом центре аккумуляции капитала – городе Нью-Йорке... О своем прибытии туда они возвещали постройкой дворцов, покупкой редких произведений искусства, устройством громких и пышных приемов... Живя в роскошных особняках, словно феодалы былых времен, финансисты и промышленники швырялись золотом и свозили к себе сокровища со всех уголков земного шара... Не зная бремени труда, не неся ответственности, богачи проводили время в беспрестанной погоне за удовольствиями. Так, они вставляли в зубы бриллианты, а любимой обезьянке дарили карету с ливрейным лакеем. Свору псов, привязанных лаковыми ремнями к экипажу, выводили в парк на прогулку. Дочь одного такого богача получила в подарок кольцо стоимостью 600 тысяч долларов».

Американская пресса прошлого века не раз критиковала богачей. С одной стороны, она развлекала читателей подробным описанием приемов в резиденциях миллионеров, а с другой – предавала огласке сенсационные новости о злоупотреблениях и аферах сильных мира сего. По образному американскому выражению, многочисленные журналисты и писатели занимались «разгребанием грязи» – разоблачали деяния миллионеров, идущие вразрез с законом и

подрывающие интересы общества. В свое время «старый» Морган и «старый» Рокфеллер принадлежали к числу наиболее ненавистных во всей Америке людей, а миллионеров помельче американцы клеймили как обычных мошенников и аферистов.

Теперь положение резко изменилось. Грехи основателей крупных капиталов стараются предать забвению. Их наследники истратили немало тысяч долларов на гонорары писателям, перед которыми была поставлена задача восславить старых миллионеров, представив их людьми предприимчивыми и бережливыми, честно приумножавшими свои капиталы. Миллионы долларов были предназначены на организацию различных благотворительных фондов (как правило, деньги эти черпались из налоговых поступлений), а имена Рокфеллеров или Фордов должны были ассоциироваться в умах рядовых американцев прежде всего с добропорядочностью, благотворительностью и благородством мыслей создателей этих фондов.

Если говорить о Соединенных Штатах, то следует признать, что эта «операция» была вполне успешной. Так называемый средний американец не знает произведений «разгребателей грязи»³, не читает книг Густава Майерса, который обвинял всех миллионеров XIX века, не знаком с работами Айды Тарбелл, которая весь свой огонь сконцентрировала на Рокфеллерах. Этот средний американец ничего, или почти ничего, не знает о скандальных историях создания крупных капиталов. Нынешняя американская пресса не выступает против миллиардеров: короли печати стали составной частью финансовой олигархии. Читателям дают понять, что крупных богатств, «собственно говоря», уже не существует, что «немногочисленные миллиардеры» стали, по сути дела, «слугами общества» и что вообще проблема самых богатых людей ныне уже устарела. Многие американцы поверили в эти пропагандистские побасенки.

³ В 10—30-е гг. XX в. «разгребателями грязи» (англ. Muckrakers) называли группу американских писателей, публицистов, журналистов и социологов (Дж. Л. Стеффенс, Ф. Норрис, Т. Драйзер, Айда Тарбелл и др.), вскрывавших жульничество бизнесменов, махинации империалистических монополий, продажность и коррупцию политических деятелей, эксплуатацию детского труда, торговлю «живым товаром» и т. д. Термин пущен в оборот в 1906 г. президентом Теодором Рузвельтом, которого раздражал поток обличительной литературы.

Четыре примера

В 1861 году (год начала Гражданской войны) в Соединенных Штатах было всего три миллиона. Но уже к концу XIX века американские статистики заявили, что каждый из по меньшей мере 3800 богачей владеет состоянием, превышающим миллион долларов. К тому же были уже известны случаи образования капиталов, достигавших десятков и даже сотен миллионов.

Все расширявшийся круг американских миллионеров складывался из самых разных людей. Различие состояло не только в размере их капиталов, но и в возрасте, происхождении, образовании, религии и т. д. Однако, если мы выделим из этого круга несколько наиболее известных богачей, которые оставили заметный след в развитии американской экономики прошлого столетия, то окажется, что они во многом схожи между собою.

После тщательного исследования биографий наиболее известных миллионеров XIX века, людей вроде «старого» Моргана и «старого» Рокфеллера, «первого» Карнеги или «первого» Гарримана (кавычки тут просто необходимы, так как в то время они еще не считались стариками и неизвестно было, будут ли они иметь наследников), американские историки и социологи отметили ряд черт, общих для этой горстки самых богатых людей страны.

Все они родились в основном в тридцатых годах минувшего столетия и ко времени окончания Гражданской войны были уже зрелыми людьми. Почти все эти люди – выходцы из европейских семей, прежде всего из Англии, Шотландии, Ирландии. Как правило, это были люди необразованные: некоторые даже с трудом могли подписать свою фамилию.

И еще с двух точек зрения первые американские миллионеры были схожи между собой. Во-первых, все они принадлежали к протестантской церкви, усиленно молились, соблюдали воскресные дни, жертвовали деньги на религиозные цели и старались прослыть богобоязненными прихожанами. Во-вторых, все они охотно говорили о своем патриотизме, всячески афишировали привязанность к родине, но, когда началась Гражданская война, ни одного миллионера в армии не оказалось! Некоторые ссылались на слишком юный возраст, другие – на старость, третьи – на плохое состояние здоровья, а четвертые и пятые попросту предпочитали зарабатывать на военных поставках, а не рисковать жизнью на фронте.

Из числа персонажей богатой и живописной галереи американских миллионеров автор хотел бы представить несколько наиболее, по его мнению, характерных типов.

Чтобы избежать каких-либо недоразумений, заранее оговоримся, что отбор этот сделан в известной мере произвольно.

Поскольку речь идет о «старых миллионерах», представим здесь четырех из числа американских богачей. Это Корнелиус Вандербилт, Эндрю Карнеги, Эдвард Х. Гарриман и Эндрю У. Меллон. Разумеется, к «старым» надо отнести также Джона Д. Рокфеллера и Джона П. Моргана, но, как автору кажется, они заслуживают рассмотрения в отдельной главе.

* * *

Корнелиус Вандербилт. При жизни и даже после смерти Вандербилта его в Америке называли Коммодором. У Вандербилта есть все основания занять первое место в галерее миллионеров. Он был самым пожилым среди них (родился в конце XVIII в.), раньше всех нажил огромное состояние (за последние двадцать лет жизни он увеличил свой капитал в сто раз). В день смерти он был самым богатым человеком в Соединенных Штатах (оставил наследникам более 100 миллионов долларов), а кроме того, отличался, таким образом, жизни, которому позже подражали другие богачи.

В 1853 году, когда Вандербилт уже стал очень богатым человеком, по его заказу была построена яхта – первая яхта американских миллионеров. Его «Северная звезда» представляла

собой небольшое паровое судно, оснащенное столь роскошно, что с ним не могли соперничать никакие другие суда. На борту своей яхты миллионер собирался объехать всю Европу.

Вандербилт взял с собой в поездку жену, десятерых детей (из двенадцати), невесток и зятьев, несколько внуков, собственного врача и собственного пастора, не считая экипажа яхты, поваров, горничных и т. д. У пастора Джона Овертона Чоулса были некоторые литературные наклонности. Сохранились его путевые заметки, не лишённые юмора.

Американская пресса соответствующим образом рекламировала поездку миллионера, подробно описывала оборудование яхты, мрамор и шелка, декорации и картины «в стиле Людовика XV». Когда яхта зашла в один из английских портов, лондонские газеты уделили ей немало внимания, но представители британской аристократии, к изумлению и досаде Вандербилта, отказались от встречи с нуворйшем – разбогатевшим выскочкой. Они и предположить не могли, что вскоре один из них «продастся» правнучке миллионера.

Более гостеприимной оказалась Россия. Великий князь Константин лично приветствовал миллионера и даже передал в его распоряжение свой экипаж, в котором Вандербилт отправился в Петергоф. Во Франции Вандербилт и его семья были приглашены на военный парад в Версале, а в Италии они позировали находившимся там американским скульпторам.

По возвращении в Нью-Йорк миллионер узнал, что двое его компаньонов, воспользовавшись отсутствием своего партнера, стали действовать против него. Вандербилт отправил им письмо, которое вошло в летопись американского капитализма. Вот его полный текст:

«Джентльмены! Вы хотели меня обмануть. В суд на Вас подам, поскольку правосудие слишком медлительно. Я разорю Вас.

К. Вандербилт».

И миллионер сдержал слово.

Вскоре он доказал, что может разорить не только бесчестных компаньонов. Одним из источников его доходов было создание и поддержание морских сообщений между Восточным и Западным побережьями Соединенных Штатов. То был период «золотой лихорадки» в Калифорнии, и корабли Вандербилта приносили ему большие доходы. Панамского канала еще не было, и весь путь пролегал частично по сухопутью – через Никарагуа.

Но вот конкурентам Вандербилта удалось захватить власть в этой маленькой южноамериканской республике и посадить в президентское кресло некоего Уильяма Уолкера (американца из штата Теннесси), который немедленно аннулировал все концессии Вандербилта. Однако последний и не думал сдавать позиции: он склонил на свою сторону правительства четырех соседних центральноамериканских республик, вынудил их создать «оборонительный союз» и направить в Никарагуа войска, чтобы свергнуть Уолкера. Поход прошел успешно, а когда Уолкер и его хозяева попытались оказать сопротивление, Вандербилт убедил государственный департамент в Вашингтоне, что в Никарагуа крайне необходимо направить несколько отрядов морской пехоты «для защиты американских интересов». В результате миллионер получил очень прибыльные концессии.

Годы Гражданской войны Вандербилт использовал для дальнейшего умножения своих богатств. Когда же после ее окончания перед американскими капиталистами открылись новые возможности наживать доллары, он воспользовался ими в полном объеме.

Корнелиус Вандербилт умер в 1877 году. Согласно завещанию миллионера, почти все его имущество и ценности (что-то около 105 миллионов долларов) перешло в руки старшего сына, Уильяма Генри Вандербилта. Однако дело не обошлось без громкого процесса: остальные члены семьи опротестовали завещание. В ходе судебного разбирательства выявились некоторые пикантные факты. Жадная до сенсаций американская пресса предала их широкой огласке (в частности, роман старого миллионера с двумя сестрами – известными красавицами).

Уильям Г. Вандербилт пережил отца всего на восемь лет. Но за этот короткий срок он все же успел удвоить капитал и оставил наследникам около 200 миллионов долларов. В центре

Нью-Йорка, на знаменитой Пятой авеню, он построил новую роскошную резиденцию Вандербилтов стоимостью 3 миллиона долларов. Она стала образцом для многих других миллионеров, примером, которому подражали.

Очередную главу в летописи американского капитала открыла внучка Уильяма Г. Вандербилта, носившая звучное имя Консуэло. В 1895 году, после соответствующей подготовки и длительных переговоров, был заключен брак Консуэло с девятым виконтом Мальборо, прямым потомком знаменитого герцога Джона Черчилля Мальборо, который сыграл очень важную роль в истории Англии конца XVII – начала XVIII века и чьим потомком был Уинстон Черчилль.

Сделка с девятым виконтом Мальборо стоила дорого. По подсчетам Густава Майерса, общая стоимость приобретения аристократа для правнучки парвеню составила около 10 миллионов долларов приданого. Были выделены немалые суммы для восстановления родового поместья лордов Мальборо в Англии, а ему самому на случай развода назначена крупная пожизненная рента. Эта последняя оговорка (clausula) в брачном контракте оказалась весьма к месту, поскольку супружество это, как насмешливо пишет Холбрук, «не способствовало укреплению англоамериканского единства и закончилось разводом».

Нам остается теперь ответить на вопрос, каковы же были источники столь огромного состояния первого американского миллионера и какими способами его сын умножил это состояние. Следует, однако, заметить, что наследники Корнелиуса Вандербилта без особого труда нашли авторов, которые соответствующим образом создали и отредактировали необходимую биографию, представив мистера Вандербилта как человека «энергичного», «благородного» и «очень трудолюбивого». Разумеется, за это они получили солидный гонорар.

А правда была иной. Густав Майерс посвятил несколько лет поискам документов прошлого века, касающихся бизнеса – и афер – первого Вандербилта. Выводы его беспощадны:

«Вандербилт был главным торговым пиратом и шантажистом своего времени... Преобладающая часть его капиталов была результатом насилия, вымогательства и шантажа».

Чтобы аргументировать такое убийственное утверждение, Майерс в нескольких главах своего труда (более ста двадцати страниц убогистого печатного текста) собрал многочисленные доказательства злоупотреблений и афер Вандербилта. Началом карьеры последнего была эксплуатация небольших судов, которые перевозили пассажиров с острова Манхэттен в Нью-Йорке. Конкуренция тут оказалась большой, но молодой тогда Вандербилт нашел способ свалить своих противников: он подкупил городские власти Нью-Йорка, выдававшие разрешение на право пользования портом.

По мере развития его предприятий аппетиты Коммодора возрастали. Он начал строить суда побольше и изыскивал новые источники нелегальных доходов. Одним из таких источников была перевозка почты, связанная с получением государственной дотации. В это время Вандербилт впервые прибег к шантажу, вынуждая конкурирующие фирмы платить ему выкуп (за то, что он не разоблачил их экономические злоупотребления!).

В период Гражданской войны Вандербилт закупал по поручению правительства корабли для перевозки солдат. Очень часто эти корабли находились в крайне плохом состоянии, но Вандербилт представлял правительству огромные счета, подкупив с этой целью нужных чиновников. Жизнь солдат нередко находилась под угрозой, а у Вандербилта к концу войны уже насчитывалось около 20 миллионов долларов.

И вот тогда Коммодор, как и некоторые другие американские капиталисты, занялся строительством и покупкой железных дорог, за короткий срок заработав новые десятки миллионов. Майерс и другие авторы подробно описывают его хитроумные аферы, нацеленные на разорение конкурентов и умножение собственных прибылей. Основным «принципом» при этом был подкуп чиновников, судей и членов законодательных органов.

Год 1877-й вошел в историю Соединенных Штатов как начало периода классовой борьбы железнодорожных служащих, которые впервые выступили против миллионеров – владельцев железнодорожных компаний. Дело дошло до бурных забастовок и уличных схваток. Были убитые и раненые. В одном только Чикаго после целого дня ожесточенных боев оказалось девятнадцать убитых. В значительной мере выступления и стычки отмечались как раз на тех линиях, владельцем которых был Уильям Г. Вандербилт. Но с помощью властей и полиции миллионеру удалось подавить забастовку.

Вскоре после этого Вандербилт-сын позволил себе откровенное высказывание, которое до сих пор расценивается американскими историками и публицистами как образцовое. В ходе пресс-конференции, устроенной в его роскошном салоне, Уильям Вандербилт давал разъяснения в связи с тарифной войной, которую он вел против конкурентов. Один из репортеров задал Вандербилту наивный вопрос, не собирается ли тот передать свою железную дорогу в пользование общества. Ответ миллионера гласил: «Будь оно проклято, ваше общество!» (“The public be damned!”)

Эндрю Карнеги. Если спросить так называемого среднего американца, кем был Вандербилт, он уверенно ответит: «Миллионером». Но если задать ему такой же вопрос о Карнеги, то ответ, скорее всего, будет иным: «Филантропом». Объясняется это просто. Наследники Вандербилта, позже промотавшие значительную часть его капиталов, не позаботились об увековечении памяти Коммодора. Мало кому известен Университет имени Вандербилта в одном из провинциальных городов США, основанный с помощью семейного фонда, а бронзовая статуя, которую он сам воздвиг себе возле одного из своих дворцов в Нью-Йорке, была уничтожена во время очередной перестройки здания.

Совсем иначе вели себя Эндрю Карнеги и его наследники. Они действительно выделяли часть своего многомиллионного состояния на филантропические цели. Всему миру известен нью-йоркский концертный зал «Карнеги-холл», строительство которого финансировал сам Эндрю Карнеги (между прочим, в торжественном открытии этого зала в 1891 году принял участие Петр Ильич Чайковский). Известны и другие фонды имени Карнеги, особенно Фонд поддержки международного мира и несколько просветительских фондов. Благодаря всему этому имя Карнеги осталось в памяти потомков как имя филантропа, хотя методы создания капитала основателя этой династии по существу не отличались от методов других тогдашних миллионеров.

В 1892 году Эндрю Карнеги был уже владельцем нескольких сталелитейных заводов, которые приносили ему большие доходы. Один из них находился в городке Хомстед (штат Пенсильвания), в то время и даже сейчас главном центре сталелитейной промышленности США. Рабочие завода в Хомстеде сравнительно рано вступили в профсоюз, который сумел отвоевать для них некоторые уступки у прежних хозяев предприятия. Когда Карнеги купил этот завод, он счел за благо избрать другой вариант. Миллионер решил, что путь к увеличению прибылей ведет через снижение заработной платы рабочим и что для этой цели необходимо лишить их права вступать в члены профсоюза. Так началась «битва в Хомстеде» – одно из крупнейших классовых сражений в тогдашней Америке.

Эндрю Карнеги сам составил и подписал объявление, в котором доводил до сведения рабочих завода, что он больше не будет держать у себя членов профсоюза литейщиков. Это объявление он передал генеральному директору своих предприятий, после чего предусмотрительно уехал в Шотландию отдыхать, чтобы избежать личного участия в борьбе с рабочими.

Директором завода в Хомстеде был некий Генри Клей Фрик, который сам сколотил немалый капитал и был известен своей жестокостью. Фрик пригласил к себе представителей рабочих и заявил им, что они должны согласиться на снижение заработка. В назначенный директором час рабочие ответили, что они не согласны. Фрик предусмотрел и это. Он начал борьбу с коллективом завода, но своими, особыми методами.

Имя Пинкертона в Европе очень популярно как название сыскаго агентства. В Америке к услугам агентства Пинкертона не раз прибегали владельцы предприятий в борьбе с рабочими: агентство поставляло штрейкбрехеров и принимало на себя «охрану» заводов от рабочих. Фрик обратился к Пинкертому и попросил прислать ему в Хомстед триста агентов.

Шестого июля 1892 года на небольшой речушке Моногахела, протекающей через Хомстед, ранним утром появились две вооруженные баржи. Рабочие сразу поняли, кого везут на этих судах. Впрочем, они и так уже были готовы к борьбе. Не успели агенты Пинкертона высадиться, как началась стрельба. Несколько сот агентов не могли противостоять тысячам озлобленных рабочих. Превосходство рабочих, было огромным, п агентам пришлось молить о «перемирии». Руководители профсоюза согласились, но взбешенные такой атакой рабочие все же успели поколотить несколько десятков агентов.

Бои в Хомстеде продолжались пять дней. Как писали тогда американские газеты, рабочие захватили власть в своем городе. Лишь 12 июля по требованию Карнеги в город вступили сильные отряды полиции штата Пенсильвания, которые «навели там порядок». Итог боев был трагичным: 14 убитых и 163 тяжело раненных. Как и следовало ожидать, профсоюз проиграл это сражение – спустя некоторое время сталелитейный завод Карнеги в Хомстеде снова начал выпускать сталь. Но никто из его рабочих уже не был членом профсоюза.

Гнев общественного мнения обрушился на Фрика, которого сочли единственным виновником резни, хотя он лишь выполнил распоряжение своего хозяина. А потом случилось так, что директор завоевал симпатии легковерных американцев: в его кабинет проник анархист, решивший на свой страх и риск отомстить за убитых рабочих, ликвидировав Фрика. Но покушение окончилось неудачей – Фрик был только ранен и, в общем... стал героем дня! На следующий день он опубликовал такой документ:

«Надеюсь, что останусь жив. Но умру я или нет, фирма Карнеги не изменит своей политики (в отношении рабочих. – Г.Я.) и победит».

Карнеги и Фрик сдержали слово: в течение долгих лет профсоюзы не имели ни малейшего доступа на американские сталелитейные заводы. Это облегчило рост богатства Карнеги. Перед его уходом от дел состояние Карнеги значительно превысило известный уже нам рекорд Вандербилтов.

* * *

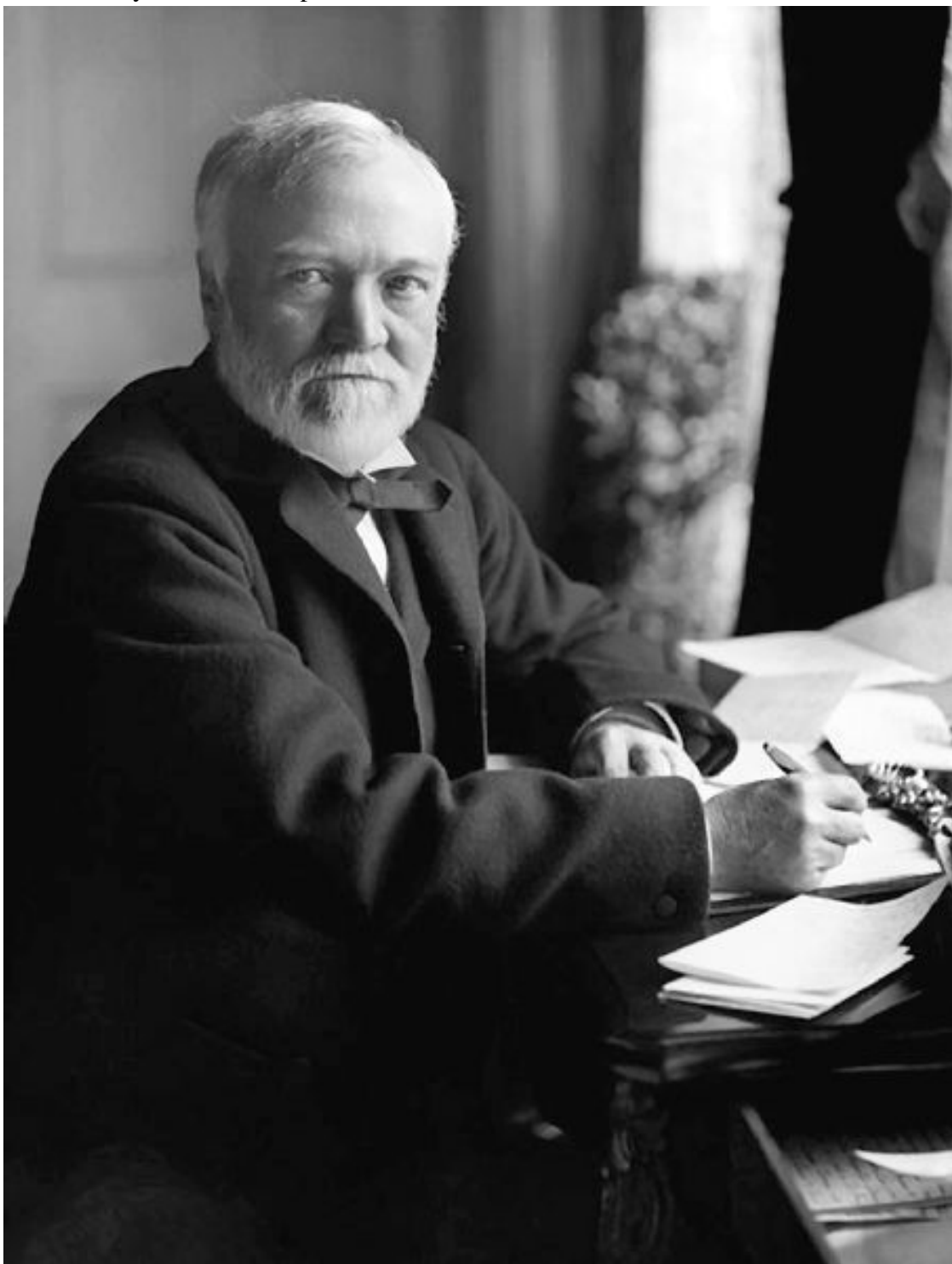
Когда в 1848 году Эндрю Карнеги приехал в Америку, родители его были довольно бедными эмигрантами из Шотландии. Эндрю было тогда всего тринадцать лет и он еще не мечтал о большой карьере. Начинал он действительно скромно, но уже, будучи юношей, выделялся предприимчивостью и ловкостью. Сравнительно скоро он стал хорошо зарабатывать и научился с большой выгодой вкладывать свои деньги в выгодное дело. Годы Гражданской войны в Америке стали для него, как и для многих других будущих миллионеров, сказочным, невероятно удобным случаем для умножения капитала.

В 1868 году, будучи уже состоятельным человеком, Карнеги записал свои мысли о богатстве, как таковом, и о своих замыслах. Теперь эти своеобразные заметки очень часто цитируют его биографы. Сообщив, что ему тридцать три года и что он зарабатывает 50 тысяч долларов в год, Карнеги писал далее:

«Нет в мире божества более унижающего человека, чем деньги... И если я еще долгое время буду заниматься главным образом бизнесом, если сосредоточу все свое внимание исключительно на том, как в кратчайший срок нажить возможно больше денег, мне грозит безнадежное вырождение».

Вывод молодого Карнеги был таков: через два года выключиться из сферы бизнеса, переехать в Англию, закончить Оксфордский университет, а потом основать в Лондоне журнал

или газету и заниматься лишь «общественными вопросами, особенно проблемами просвещения и улучшения положения неимущих классов». Такovy были его добрые намерения, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад! Карнеги покончил с бизнесом не через два года, а спустя тридцать с лишним лет. Что касается его отношения к «неимущим классам», то самым ярким примером тут может служить знаменитая «битва в Хомстед». Вскоре после того как он написал свои заметки, Карнеги убедился в том, что расширение сталелитейной промышленности в Америке открывает перед ним огромные перспективы получения миллионных прибылей. И он стал одним из создателей данной отрасли промышленности, проявив при этом невероятную ловкость и изобретательность в разорении своих конкурентов и в нещадной эксплуатации своих рабочих.

Эндрю Карнеги – американский предприниматель второй половины XIX века, один из богатейших людей в мире, основатель стальной империи, филантроп, пожертвовавший 90 % своего состояния на благотворительные нужды

Статистические данные показывают, что еще в 1870 году производство железа и стали в Соединенных Штатах было значительно ниже, чем в Великобритании или Франции. В последующие два десятилетия американские промышленники опередили англичан и французов в этой области, а продукция американских металлургических предприятий превысила треть валовой продукции всего мира.

Именно на эти годы приходится начало своеобразной революции в металлургии, которая неразрывно связана с именем Генри Бессемера и изобретенным им конвертором. Ум и помыслы Карнеги были целиком заняты бизнесом, а не техникой, поэтому вначале он недооценил значение нового метода выплавки стали. Однако вскоре он убедился в выгодах конвертора и сразу же приступил к строительству первых в Америке современных сталелитейных заводов.

В те времена крупнейшими потребителями стали были железнодорожные компании. И если богатства Вандербилтов явились результатом строительства и эксплуатации железных дорог, то и Карнеги в значительной мере «утолял жажду» из того же источника, только несколько по-иному: чем больше строилось железнодорожных путей, тем выше был спрос на рельсы.

Доходы Карнеги росли из года в год, а методы обогащения становились все более беспощадными. Казалось (и он сам верил в это), никто и ничто не угрожало его господствующему положению в сталелитейной промышленности.

Но в последние годы XIX века у Карнеги появился грозный конкурент в лице Джона Пирпонта Моргана. Тут уместно привести русскую поговорку: «Нашла коса на камень!» В то время Морган стал все больше и больше интересоваться металлургией и начал все чаще сталкиваться в этой области с конкуренцией со стороны Эндрю Карнеги. В конце концов в 1900 году между обоими магнатами было достигнуто соглашение.

Морган купил все предприятия Карнеги и его компаньонов за фантастическую сумму примерно в 500 миллионов долларов. Из них 300 миллионов – наличными и в акциях – получил сам Карнеги. Несколько лет спустя оба миллионера встретились на борту трансатлантического лайнера. Газета «Уолл-стрит джорнэл» опубликовала содержание их частной беседы. Карнеги сказал: «Я допустил ошибку при продаже своих заводов. Мне нужно было Потребовать на сто миллионов долларов больше». На что Морган будто бы ответил: «Если бы вы этого потребовали, я вынужден был бы заплатить, хотя бы ради того, чтобы избавиться от вас».

Как бы то ни было, Эндрю Карнеги оказался вдруг лицом совсем частным, обладающим огромным капиталом. Тогда он вернулся к мечтам своей юности, предназначив значительную часть своего состояния на благотворительные цели. Ко дню смерти Карнеги (1919 год) из его огромного состояния осталось всего 10 процентов. А его фонды существуют и по сей день и используются не только на благотворительные цели.

Эдвард Генри Гарриман был миллионером, которого его присяжные «биографы называли – в зависимости от своих вкусов – «королем» или «Наполеоном» железных дорог в Соединенных Штатах. Начал Гарриман с должности курьера на фондовой бирже. Когда же он умер, его наследники получили капитал в 100 миллионов долларов.

Эдвард Г. Гарриман был моложе Вандербилта и Карнеги – он родился в 1848 году. Поэтому его путь к огромному состоянию выглядит все же несколько иным.

В годы Гражданской войны Э. Гарриман был еще слишком молод, чтобы сколотить состояние. Однако он, если можно так выразиться, поспел к пирогу, то есть к бурному строительству железных дорог в Соединенных Штатах, и именно тогда проявились все его таланты бизнесмена.

В отличие от Вандербилта, строившего железные дороги, и от первого Карнеги, поставившего для них рельсы, Гарриман занимался прежде всего финансовыми операциями, связанными с железнодорожным строительством. Это и создало ему капитал. Его интересовали спекуляции на бирже, покупка и продажа акций существующих компаний, борьба с конкурентами, распространение облигаций по более высокой, чем их действительная стоимость, цене. Словом, он был скорее финансистом, нежели строителем железных дорог. В Америке на рубеже XIX–XX веков это занятие оказалось весьма доходным.

Эдвард Гарриман был одним из шестерых детей бедного пастора. Четырнадцать лет от роду он начал работать на Уолл-стрите курьером. Эта нью-йоркская улица уже тогда была центром, где сосредоточились биржа, различные банки, страховые общества, акционерные компании. У Эдварда не было никакого образования, но он выделялся среди товарищей способностями и развитием. Вскоре он заинтересовался подоплекой игры на бирже, а также начинаниями своих хозяев.

В 1869 году, когда Гарриману был всего двадцать один год, на бирже разразился кризис – знаменитая «черная пятница». Молодой Гарриман, вкладывавший все свои сбережения в покупку акций, немало заработал на внезапных изменениях биржевого курса. С этой точки зрения он принадлежал к немногим исключениям, и потому им заинтересовались более солидные и важные финансисты. На заработанные деньги Гарриман купил себе место на бирже и приступил к сделкам на свой страх и риск. Гарриман повезло: вскоре ему удалось за один день заработать 150 тысяч долларов на покупке и продаже акций угольных компаний.

Уже будучи человеком более или менее состоятельным, Гарриман женился на дочери владельца одной из железных дорог, и это предопределило его дальнейшую карьеру. Со дня женитьбы на дочери Уильяма Дж. Аверелла он начал интересоваться прежде всего железными дорогами. Отделавшись от других акционеров, Гарриман стал единоличным владельцем железной дороги своего тестя.

Но это было лишь скромным началом. В последующие тридцать лет и до самой смерти в 1909 году Гарриман все больше и больше раздвигал границы своей железнодорожной империи, продолжая скупать все новые и новые железнодорожные линии в самой ожесточенной борьбе с конкурентами. При этом он пользовался методами, которые зачастую вступали в конфликт с законом и добрыми традициями. Как утверждают его биографы, под конец жизни Гарриман уже подумывал о железнодорожной сети, которая охватила бы весь земной шар. Особенно его интересовали Транссибирская и Маньчжурская линии.

Несколько примеров помогут нам лучше понять методы Гарримана.

Вскоре после женитьбы он сосредоточил все свое внимание на железнодорожной линии, принадлежавшей тестю. Не прошло и года, как остальные акционеры узнали, что дела фирмы обстоят не лучшим образом. На заседании правления дороги Гарриман выступил с альтернативным предложением: либо он сам продаст свои акции (заметим: он хорошо знал, что это предложение будет отвергнуто), либо ему остается приобрести акции остальных держателей. Когда последние, наконец, выразили свое согласие, Эдвард Гарриман стал единоличным владельцем дороги, причем за бесценок. После этого он начал переговоры с двумя крупными конкурирующими фирмами – с каждой в отдельности и конфиденциально, – предлагая продать им свою дорогу. Между конкурентами возникли споры и торг. Но в выигрыше остался Гарриман: он продал дорогу за очень крупную сумму.

Впоследствии Гарриман, уже известный миллионер, пользовавшийся широким банковским кредитом, создал крупный концерн, который приобрел фирму «Чикаго энд Олтон» Это была акционерная железнодорожная компания, чей капитал оценивался в 34 миллиона долларов. Всего за несколько лет Гарриман и его компаньоны сумели продать акции и облигации этой компании на сумму 114 миллионов долларов. Поскольку при покупке фирмы они израс-

ходовали только 18 миллионов, оказалось, что чистая прибыль концерна составила более 60 миллионов (из этой суммы львиную долю отхватил сам Гарриман).

Но афера всплыла на поверхность, и делом о спекулятивной продаже железнодорожных акций занялись специально назначенные властями лица. Сенатор Кэллом принял решение начать судебное расследование, а самого Гарримана хотел арестовать. Однако, как пишет Густав Майерс, эти намерения не осуществились, поскольку «Гарриман давал крупные суммы на политические кампании, в связи с чем лица, занимавшие высокие посты, имели перед ним определенные обязательства».

Наиболее известны в Америке схватки Гарримана со своими конкурентами. Так, война с Джеймсом Дж. Хиллом, одним из железнодорожных магнатов, начавшаяся в 1901 году, продолжалась двадцать лет и закончилась лишь со смертью обоих соперников.

Американские историки посвятили борьбе Гарримана с Хиллом десятки печатных страниц, называя ее «схваткой гигантов» или «последней железнодорожной войной». Однако нет смысла описывать подробности я «военные» перипетии. Вполне достаточно сказать, что речь шла о конкурентной борьбе, причем и Гарриман и Хилл стремились завоевать приоритет и власть над несколькими крупными и, что самое важное, прибыльными железнодорожными линиями.

Если взглянуть на это дело теперь, то наибольшую важность в нем представляет тот факт, что обе стороны имели мощных и богатых покровителей. Так, Гарриман вошел в соглашение с Рокфеллерами и их концерном «Стандард ойл», а Хилл заручился поддержкой банкирского Дома Моргана. Как утверждает Холбрук, «Гарриман был одним из немногочисленных в Соединенных Штатах лиц, которые не боялись Моргана». К этому мнению присоединяется и Мэтью Джозефсон. В цитированном уже труде о «баронах-разбойниках» он так пишет о Гарримане:

«Он не боялся ни бога, ни Моргана, ни упреков совести. В более поздних воспоминаниях о нем сказано, что тайна его победоносной карьеры – в полном отсутствии моральной щепетильности».

После смерти Эдварда Г. Гарримана его финансовая империя все больше и больше расширялась, охватывая, кроме железных дорог, многочисленные промышленные предприятия. В качестве примера можно назвать гарримановские инвестиции в Польшу. Так, в 1926 году концерн Гарримана совместно с американской компанией «Анаконда» и германским трестом «Хеш» создал зависимую фирму «Силезиан-Америкен корпорейшн», которой принадлежали две угольные шахты, свинцовые и оловянные рудники, несколько металлургических заводов, листопрокатные и проволочные заводы и т. д. Решающее слово в делах этой фирмы имел концерн Гарримана, и в его сейфы текли прибыли из польской Силезии. Дабы избежать недоразумений, добавим, что польские предприятия были лишь малой частицей «империи» Гарриманов.

Гарриман-младший, носящий двойное имя Уильям Аверелл (последнее – по матери), сумел объединить заботы о полученном наследстве с любопытной политической карьерой. И если его отец ограничивался финансированием отдельных политических деятелей, то сын уже играл самостоятельную роль на политической арене и мечтал когда-либо попасть в Белый дом.

В годы президентства Франклина Делано Рузвельта Уильям Аверелл Гарриман занимал ряд ответственных постов. Во время второй мировой войны он был послом США в Советском Союзе, затем стал министром финансов, советником президента Трумэна, губернатором штата Нью-Йорк и специальным послом президента Джона Ф. Кеннеди.

К парадоксам политической жизни в Соединенных Штатах следует отнести и тот факт, что миллионер Гарриман во многих вопросах занимает либеральную позицию. Некоторые считают даже, что если мечты Гарримана так и не осуществились, и его кандидатура на место в Белом доме никогда не выдвигалась, то произошло это лишь потому, что он был «слишком либеральным».

В 1963 году Аверелл Гарриман сыграл существенную роль при согласовывании текста Московского соглашения о частичном запрещении ядерных испытаний, а в 1968 году он же возглавил американскую делегацию, которая начала в Париже переговоры об установлении мира во Вьетнаме.

Эндрю У. Меллон принадлежал наряду с Рокфеллером, Морганом и Фордом к первым американцам, чей личный капитал превышал миллиард долларов. Такое богатство он нажил, нещадно эксплуатируя рабочих, обворовывая компаньонов, разоряя конкурентов. Он был также первым американским миллионером, который занял пост министра. И использовал этот пост для введения законов, покровительствующих богачам, а не беднякам. В период самых крупных афер, связанных с коррупцией, Меллон был членом кабинета. Эндрю У. Меллон был одним из самых ловких, предприимчивых и энергичных американских финансистов и промышленников. В пожилом возрасте он не жалел времени на «служение обществу»: был членом кабинета трех президентов, министром финансов, в то же время он пожертвовал часть своих капиталов на общественные цели, построил в Вашингтоне здание Галереи искусств, передав ей в дар свои коллекции картин. Противоречивая, казалось бы, личность. Поэтому надо поближе присмотреться к любопытной фигуре Эндрю Меллона.

У Эндрю был легкий жизненный старт, поскольку его отец Томас Меллон, банкир и юрист, был человеком богатым. Об образе мышления и взглядах Томаса отчетливо свидетельствует письмо, направленное им в годы Гражданской войны своему старшему сыну (младший, Эндрю, родившийся в 1855 году, был тогда ребенком). Узнав, что старший сын хочет вступить в ряды армии северян, Томас решительно запретил ему это, так обосновав свою позицию:

«Я надеялся, что мой парень станет ловким, интеллигентным бизнесменом и не будет дурнем. Только наивные люди вступают в армию... А кто имеет возможность, оплачивает тех, кто идет вместо них. Со временем ты поймешь, что человек может быть патриотом, не рискуя собственной жизнью и не жертвуя своим здоровьем, и поверишь в это. Есть много других, менее ценных людей».

В последующие годы такая «философия» стала ведущей мыслью Эндрю Меллона. Никакие «мелочи» не отвлекали его от дел, а главным своим делом он, как и его отец, считал преумножение капитала.

В 1870 году в Питтсбурге возник банк под названием «Т. Меллон энд санз», который завоевал доверие клиентов, хотя и брал высокие проценты. Во время экономического кризиса 1873 года, когда обанкротились многие предприятия, банк Меллонов оказался платежеспособным и обогнал конкурентов. В 1880 году Эндрю Меллон принял банк от стареющего отца. Вскоре он мог показать не только свои способности, но и беспощадность в делах. Под его руководством банк начал специализироваться на финансировании промышленных предприятий.

Наиболее дальновидным мероприятием Эндрю Меллона было предоставление сравнительно небольшого кредита двум предпринимателям, которые хотели построить алюминиевый завод. Этот легкий металл был тогда известен уже несколько десятилетий, но никто не умел организовать его выплавку на коммерческих началах. Изобретатель необходимого технологического процесса Чарлз М. Хэлл безрезультатно агитировал нескольких, промышленников, пока не попал в Питтсбург и не явился к Меллону.

Банкир оказался более дальновидным: он выделил на производство алюминия кредит в сумме 250 тысяч долларов, что дало Хэллу возможность построить первый завод. Довольно скоро выяснилось, что спрос на алюминий очень велик и возрастает с каждым годом, особенно в связи с развитием автомобильной промышленности.

Конкуренты Меллона спохватились, но было уже поздно. Отказываясь от производства алюминия, они упустили пресловутую «золотую жилу». Правда, один из них попытался было создать свой завод, но Меллон возбудил против него судебное дело, обвинив фабриканта в нарушении патентных прав изобретателя Хэлла. Процесс затянулся надолго, но в конце кон-

цов судья Уильям Говард Тафт решил дело в пользу Меллона. Тафт стал впоследствии президентом Соединенных Штатов. Как утверждает Харвей О'Коннор, автор книги «Миллионы Меллонов» ("Mellon's Millions"), приговор Тафта принес Меллону 100 миллионов долларов.

А вскоре был создан концерн «Алюминиум компани оф Америка», известный под сокращенным названием «Алкоа», в котором большинство акций принадлежало Меллону. Концерн стал почти единовластным монополистом в области производства алюминия: он приобретал месторождения бокситов, строил новые предприятия, организовал сбыт алюминия и экспорт его за границу. Наследники Эндрю Меллона и по сей день получают миллионные прибыли от деятельности «Алкоа».

По мере увеличения капитала Эндрю Меллон все больше расширял свою «империю», скупая контрольные пакеты акций сталелитейных заводов и других предприятий. Очередным его успехом (после дела с алюминием) было открытие месторождений нефти в штате Техас. И в этом случае Меллон использовал находчивость, изобретательность и энергию других людей, заgrabая львиную долю прибылей.

Идею поисков нефти в штате Техас выдвинул некий Энди Лукас, эмигрант из Югославии, который американизировал свое имя и фамилию. Поначалу его финансировал полковник Джеймс Гаффи. Но когда в 1901 году длительные поиски Лукаса привели наконец к открытию богатых залежей нефти, у него и у полковника не хватило денег. Меллон, не колеблясь, предоставил им кредит в 3 миллиона долларов.

А вскоре возник новый концерн – «Галф ойл корпорейшн», один из крупнейших в Америке, уступающий только рокфеллеровской фирме «Стандард ойл». Большинство акций снова попало в руки Меллона и его семейства. Полковник Гаффи рассказывал потом, как Меллоны «вышвырнули» его. Он пытался судиться с ними, но проиграл и умер в нищете.

Третьей – после алюминия и нефти – жемчужиной в короне Меллонов стала химическая промышленность. В 1914 году Эндрю Меллон купил за 300 тысяч долларов патенты немецкого изобретателя д-ра Генриха Копперса, открывшего способ и метод использования побочных продуктов коксового производства. Патенты Копперса стали для Меллона исходной базой для строительства ряда химических предприятий. Во время Первой мировой войны Меллон откупил у Копперса – буквально за гроши – его право на долю в производстве, воспользовавшись тем, что немец был «подданным враждебного государства».

После окончания Первой мировой войны Э. Меллон стоял уже во главе нескольких десятков самых различных концернов, общий капитал которых оценивался в 2 миллиарда долларов. И, тем не менее, он был, по сути дела, мало известен широкой общественности. В отличие от Вандербилтов и Асторов, Рокфеллеров и Морганов, каждый шаг которых, был широко разрекламирован и которые любили хвастаться своими богатствами, Меллон отнюдь не искал гласности. Он принадлежал к более позднему поколению миллионеров, которые предпочитали безвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.